

А.Б. Макарова, С.С. Сай.
Взаимодействие некоторых характеристик русских именных групп
(статистический аспект)

Вскрытие **взаимодействия** грамматических признаков на уровне текста становится возможным только после дополнения описания структурных возможностей грамматической системы анализом ее функционирования в речи (в том числе и частотных характеристик грамматических категорий).

Для анализа методом сплошной выборки из спонтанных устных текстов на русском языке был создан корпус из 3022 именных групп (ИГ). Каждая ИГ оценивалась по 10 параметрам, связанным с внутренней структурой и внешними функциями: частеречная принадлежность вершины (существительное vs. местоимение), грамматические – словоизменительные и классифицирующие – признаки вершины (число, род, падеж, одушевленность¹), синтаксическая функция (А – подлежащее при переходном глаголе, S – подлежащее при непереходном глаголе, О – прямое дополнение и т.д.), наличие определений и т.д. О взаимодействии этих признаков на уровне **текста** известно крайне мало. Основной метод работы заключался в установлении статистических корреляций между признаками, разводимыми в традиционной грамматике «по разным ведомствам».

Обнаружилось, например, что падежное оформление ИГ нетривиальным образом увязано со свойствами вершины ИГ:

Таблица 1. Падежные распределения для ИГ с различными вершинами

	местоимения 1-2 лица		местоимения не 1-2 лица		существительные	
именительный	331	74,2 %	312	55,5%	732	38,8%
родительный	38	8,5 %	57	10,1%	341	18,1%
дательный	47	10,5 %	39	6,9%	95	5%
винительный	21	4,7 %	95	16,9%	411	21,8%
творительный	6	1,3 %	16	2,8%	133	7,1%
предложный	4	0,9 %	43	7,7%	172	9,1%

Падежное распределение для существительных значительно отличается от такого же распределения для местоимений 1 и 2 лица, хотя грамматическая система как будто бы предоставляет различным именам равные возможности в этом отношении². Для **всех падежей** местоимения не 1 и 2 лица занимают позицию **между** существительными и местоимениями 1 и 2 лица. Таким образом, для всех падежей была обнаружена статистическая «дейктическая» иерархия: местоимения 1 и 2 лица³ > прочие местоимения > существительные.

Шесть падежей распались на две группы: именительный и дательный тяготеют к «местоименному полюсу» иерархии (их доля понижается по мере продвижения вниз по «дейктической иерархии»), а оставшиеся 4 падежа — к «субстантивному».

В обнаруженной статистической «дейктической иерархии» могут быть упакованы по крайней мере два более атомарных признака (ср. обсуждение атомарных бинарных признаков в классической работе Сильверстейна [Silverstein 1976] и их объединение в единую шкалу в более поздних работах, например, [Dixon 1979]). Речь может идти о признаке одушевленности:

¹ Для существительных отмечался грамматический признак одушевленности, а для местоимений – онтологическая характеристика референта.

² Исключением представляется родительный падеж: для выражения самого частотного его значения – посессивного – при прономинальных посессорах в русском языке используются не формы родительного падежа, а притяжательные местоимения.

³ Для тех падежей, для которых объема выборки оказалось достаточно, обнаружилось также, что местоимения 1 лица находятся в иерархии «выше», чем местоимения 2 лица.

верхняя позиция в дейктической иерархии занята выражениями, реферирующими к участникам речевого акта, т.е. по определению одушевленным. В то же время, участники, выражаемые местоимениями, универсально более топиальны, чем участники, выражаемые существительными (см. классические работы Т. Гивона).

Избранная методика позволяет выявить роль обоих этих факторов в формировании падежных распределений. Так, для ИГ, возглавляемых существительными, одушевленность тесно связана с характером падежного распределения:

Таблица 2. Падежные распределения для существительных

	одушевленные		неодушевленные	
именительный	280	54,5%	452	33%
родительный	72	14%	269	19,6%
дательный	43	8,4%	52	3,8%
винительный	79	15,4%	332	24,2%
творительный	31	6%	102	7,5%
предложный	9	1,7%	163	11,9%

К одушевленным референтам тяготеют именно именительный и дательный падежи; сходная картина наблюдается и при рассмотрении только местоимений не 1 и 2 лица. Неравномерности в распределениях объяснимы через функции этих падежей – за ними закреплено выражение семантических ролей Агенса, Адресата, Реципиента и Бенефициента, которые могут иметь только одушевленные участники.

Однако «перекосы» в падежных распределениях, представленных в Таб. 1, объясняются не только одушевленностью. Если рассмотреть падежные распределения только для выражений, реферирующих к одушевленным участникам, то и здесь для именительного и дательного доля местоимений оказывается выше всего:

Таблица 3. Доля местоименных и субстантивных выражений для реферирующих к одушевленным референтам ИГ в различных падежах

	местоимения		существительные		Всего
именительный	161	36,5%	280	63,5%	441
родительный	18	20%	72	80%	90
дательный	34	44,2%	43	55,8%	77
винительный	33	29,5%	79	70,5%	112
творительный ⁴	5	13,9%	31	86,1%	36

Наконец, одушевленность и выбор реферирующего выражения (местоимение vs. существительное) не только связаны с падежными распределениями, но и коррелируют друг с другом; например, если взять только ИГ, оформленные именительным падежом, то обнаруживается, что онтологическая одушевленность референта коррелирует с выбором местоименного реферирующего выражения (различие, как и в предыдущих случаях, статистически значимо):

Таблица 4. Одушевленность и выбор реферирующего выражения (для именительного падежа)

	местоименная референция		субстантивная референция	
одушевленные референты	522	72,7%	196	27,3%
неодушевленные референты	174	27,7	448	72,3%

⁴ Данных по «одушевленным» ИГ в предложном падеже оказалось недостаточно для статистических выводов.

Пока что в основном рассматривалась связь онтологических и референциальных свойств русских ИГ с категорией падежа; ясно, однако, что сама эта категория является морфологическим проявлением другого параметра – синтаксической позиции, занимаемой ИГ.

Таблица 5. Распределения реферирующих выражений по синтаксическим позициям

	А		S		О	
существительные	130	30,9%	362	53,2%	285	73,3%
местоимения не 1 или 2 лица	101	24%	189	27,8%	84	21,6%
местоимения 1 или 2 лица	190	45,1%	129	19%	20	5,1%
всего	421	100%	680	100%	389	100%

Во многом полученные данные укладываются в рамки Гипотезы о предпочтительной аргументной структуре, подтверждавшейся на материале уже многих языков (см. хотя бы [Du Bois et al. 2003]): новые (рематические, нетопикальные) аргументы – обычно выраженные полноценными именами – сравнительно редко вводятся в дискурс в позиции А. На нашем материале обнаруживаются и более неожиданные факты: значительное различие в «синтаксических предпочтениях» местоимений разных лиц, а также дискурсивные расхождения между позициями S и О, как будто бы универсально являющимися основными позициями для введения в дискурс нового материала. В докладе будет предпринята попытка объяснения этих и других обнаруживаемых фактов в русле идей о синтаксисе как об инструменте для «упаковки» и моделирования дискурсивных и когнитивных предпочтений говорящего.

При обращении к анализу текстов на отдельно взятом языке возможно обнаружение противопоставлений и закономерностей, неочевидных при системоцентрическом взгляде на грамматику. На уровне **статических дискурсивных закономерностей** в русском языке обнаруживаются явления, соответствующие тенденциям, выявляемым при изучении грамматических **систем** типологически различных языков: хорошо известные типологам иерархии (иерархия одушевленности, иерархия грамматических отношений) и противопоставления либо, на первый взгляд, вовсе нерелевантные для грамматической системы русского языка (противопоставление позиций S и А, как будто бы полностью нейтрализованное в морфологии и синтаксисе русского языка), либо традиционно считающиеся периферийными (одушевленность).

Литература

- Dixon R. W. M. 1979. Ergativity. *Language* 55: 59-138.
 Du Bois, John W. et al. (eds.). 2003. Preferred argument structure. *Grammar as architecture for function*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
 Silverstein, Michael. 1976. Hierarchy of features and ergativity. In: R.M.W. Dixon (ed.). *Grammatical categories in Australian languages*. New York: Humanities Press. 112–171.